

УДК 94(569.4)"70/638"

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-323-336

Обзорная статья

Кесария и Иерусалим: соперничество двух палестинских кафедр в эпоху Поздней античности

Сухова Ж.М. , Ващева И.Ю. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31аE-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com, vasheva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории соперничества и борьбы за первенство в регионе двух палестинских кафедр в эпоху Поздней античности – Кесарии и Иерусалима. Автор отмечает слабую изученность темы и приходит к заключению, что соперничество Иерусалима и Кесарии началось в начале IV столетия и продолжалось вплоть до официального объявления на Халкидонском соборе в 451 году Иерусалима сверхмитрополией, а епископа иерусалимского – патриархом. Процесс возвышения иерусалимских епископов невозможно рассматривать как мгновенный, свершившийся лишь во время правления одного епископа Иерусалима, но как процесс, протекавший почти полтора столетия. В ходе борьбы важную роль сыграли сам город Иерусалим, который постепенно становился Святым городом; апостольское происхождение иерусалимского престола; непосредственно сама ситуация в христианской церкви (в особенности действия таких могущественных иерархов, как папа Римский, патриархи Антиохии и Александрии); догматические споры и, наконец, личные качества и амбиции епископов двух городов. Высокое значение последнего епископа и первого патриарха Иерусалима Ювеналия, подкрепленное действиями предшественников, позволило поставить точку в соперничестве с Кесарией и навсегда возвыситься над ее епископами.

Ключевые слова: соперничество за первенство, епископ иерусалимский, митрополит кесарийский, кафедра, Палестина, Кесария, Иерусалим, Поздняя античность, апостольский престол, Святой город

Для цитирования: Сухова Ж.М., Ващева И.Ю. 2024. Кесария и Иерусалим: соперничество двух палестинских кафедр в эпоху Поздней античности. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 323–336. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-323-336

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Caesarea and Jerusalem: The Rivalry for Primacy of Two Palestinian Cathedrae in the Era of Late Antiquity

Zhanna M. Sukhova , Irina Yu. Vashcheva Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University,
31a Minina St., Nizhny Novgorod 603155, RussiaE-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com, vasheva@mail.ru

Abstract. The article is about the history of the rivalry for primacy between two Palestinian cathedrae in Late Antiquity. The author notes that the topic is poorly researched and concludes that the rivalry between Jerusalem and Caesarea began in the early IV century and continued until the official declaration of Jerusalem as an autocephalous Church at the Council of Chalcedon in 451, and the bishop of Jerusalem as the patriarch. The process of the rise of the bishops of Jerusalem cannot be considered as instantaneous, took place only during the reign of one bishop of Jerusalem, but as a process that took place for almost a century and a half. During this confrontation, some things played an important role: firstly the city of Jerusalem itself which gradually became a Holy City; secondly the apostolic origin of the see of Jerusalem;

thirdly the situation in the Christian Church, especially the actions of such powerful hierarchs as the Pope, the patriarchs of Antioch and Alexandria; fourthly dogmatic disputes and, finally, the personal qualities and ambitions of the bishops of the two cities. The high importance of the last bishop and the first patriarch of Jerusalem, Juvenal, reinforced by the actions of his predecessors, made it possible to put an end to the rivalry with Caesarea and rise above its bishops forever.

Keywords: rivalry for primacy, bishop of Jerusalem, metropolitan bishop of Caesarea, cathedra, Palestine, Caesarea Maritima, Jerusalem, Late Antiquity, Apostolic see, Holy City

For citation: Sukhova Zh.M., Vashcheva I.Yu. 2024. Caesarea and Jerusalem: The Rivalry for Primacy of Two Palestinian Cathedrae in the Era of Late Antiquity. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 323–336 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-323-336

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Эпоха Поздней античности является по-своему специфичной и уникальной среди остальных исторических эпох: это время появления Византийской империи, стремительного экономического развития и впечатляющего культурного процветания, это эпоха духовных и интеллектуальных дебатов и время становления христианства [Селунская, 2004; Ващева, 2009; Brown, 1971; Cameron et al., 2008]. Одним из важных аспектов становления христианства была институционализация церкви и оформление ее основных институтов. Далеко не сразу обозначились пять основных епископских престолов, которые образовали систему пентархии. Впервые о значимости епископских престолов на общецерковном уровне было сказано на Никейском соборе 325 года, и особый статус тогда был признан только за Александрийской, Римской и Антиохийской Церквями – митрополиями^{11, 12}, а также подразумевалось, что гражданские провинции (*ἐπαρχία*, *provinciae*) составят основу территориального устройства христианской церкви¹³. Столица каждой провинции зачастую была таким местом, где впервые звучала христианская проповедь, откуда она распространялась по окрестным городам и селам, а выделенные Церкви Рима, Антиохии и Александрии вдобавок отличались своим апостольским происхождением [Л'Юилье, 2005, с. 86]. И здесь наиболее четко обозначилась проблема утверждения церковной иерархии в Палестине: с одной стороны, епископом митрополии в провинции являлся епископ города Кесария, таким образом, данный город объединял в себе гражданское и церковное управление. С другой стороны, в Палестине находился ещё один епископский город, которому было под силу бороться за региональное первенство – это Иерусалим. Его епископы четко понимали это и в связи с официально начавшимся оформлением церковной иерархии стали прилагать большие усилия для получения особого статуса в регионе и в христианской церкви. Поэтому целью данной статьи является изучение соперничества кафедр Кесарии и Иерусалима за региональное первенство (примат), которое стало частью процесса институционализации христианской церкви в эпоху Поздней античности, отражает специфику церковного управления данного периода и которое существенно влияло на религиозную жизнь региона.

Слабый интерес исследователей к данной проблематике объясняется несколькими причинами. Во-первых, источниковая база не богата и, что важнее, фрагментарна. Здесь следует подчеркнуть недостаток источников, оставленных кесарийскими епископами: кроме Евсевия Кесарийского, со стороны его преемников, других позднейших епископов

¹¹ В 4 правиле Никейского Собора впервые появляется термин «епископ-митрополит» (*μητροπολίτης ἐπίσκοπος*), чаще употребляется выражение «епископ митрополии» (*ἐπίσκοπος τῆς μητροπόλεως*), и в конечном итоге устанавливается более краткая форма «митрополит» (*μητροπολίτης*). См.: Л'Юилье, архиепископ Петр. 2005. Правила первых четырех Вселенских Соборов. Пер. с франц. 84.

¹² *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, I. XI. 6.

¹³ Там же, I. XI. 4.

Кесарии, почти не сохранилось никаких записей, что отчасти обуславливается их арианской позицией, из-за чего может сложиться одностороннее впечатление борьбы только Иерусалима за свое положение. Эта проблема нами частично решается за счет сведений из церковных историй, которые содержат записи общего характера о соперничестве и смещениях епископов, и сохранившихся писем, которые писали оппоненты иерусалимских епископов. Во-вторых, в историографии уже давно сложился определенный взгляд на проблему. В отечественной исторической науке ещё со времен В.В. Болотова установилось мнение, что соперничество палестинских кафедр не было чем-то выдающимся, ведь в конечном итоге только одному Ювеналию Иерусалимскому (422–458 гг. – здесь указаны годы епископства и патриаршества вместе) удалось возвысить Иерусалим над Кесарией и навсегда закрепить статус патриархов за иерархами Святого города [Болотов, 1918, с. 242–243]. Примерно в то же время в зарубежной историографии благодаря работам Ф. Шаффа утвердился иной взгляд на рассматриваемую проблему: изучалось не соперничество кафедр, а путь становления Иерусалимского патриархата и его борьба за место в церковной структуре в целом [Schaff, 1899, p. 89–90]. В обоих фундаментальных исследованиях ситуация никогда не рассматривалась с точки зрения Кесарии или, по крайней мере, Кесария не воспринималась исследователями в качестве серьезного соперника. Только в современных научных работах, в особенности среди специалистов по Поздней античности, эта проблема получает большее освещение. Наиболее близко к решению данной проблемы подошел Г.И. Беневич в статье «Св. Кирилл Иерусалимский и борьба за возвышение Иерусалимской кафедры в IV в.» [Беневич, 2015, с. 75–85]. В ней рассматривается история и характер борьбы Кирилла Иерусалимского (ок. 350–386 гг. – здесь и далее указаны годы епископства) за возвышение Иерусалимской кафедры и за повышение ее влияния в Церкви и в регионе. Акцент исследования смещен на наиболее важные факты биографии епископа Кирилла, хотя Г.И. Беневич рассматривает состояние Иерусалимской кафедры до и после деятельности этого епископа [Беневич, 2015, с. 75]. В монографии Э. Хонигмана, посвященной епископу иерусалимскому Ювеналию, написанной в середине прошлого столетия, справедливо отмечается неясное положение Иерусалимской кафедры после принятия некоторых правил на Никейском соборе и дается общая характеристика борьбы между епископами [Honigmann, 1950, p. 211–212]. В статье Я.-М. Кеттера, опубликованной в 2022 году, кратко отмечены основные вехи тернистого пути Иерусалимской кафедры к доминированию в регионе, в ней автор подчеркнул, что получение статуса патриархата было бы невозможным без триумфа над Кесарией [Kötter, 2022, p. 241–243]. Однако оба исследователя – и Э. Хонигман, и Я.-М. Кеттер – сосредоточили внимание в основном на изучении деятельности иерусалимского епископа Ювеналия в достижении им статуса патриарха. Таким образом, проблема, рассматриваемая в данной статье, ещё не становилась предметом специального и исчерпывающего исследования.

Объекты и методы исследования

Настоящая работа опирается на концепцию Поздней античности – передовой в исторической науке подход к изучению событий и явлений в период примерно с III по VII столетия, согласно которому указанное время невозможно рассматривать исключительно как период упадка и разрушения, но как специфичную эпоху, время изменений и трансформаций, эпоху особого культурного разнообразия и экономического подъема, становления христианства, время, которому невозможно дать только однозначную, одностороннюю оценку [Селунская, 2004; Ващева, 2009; Brown, 1971; Cameron et al., 2008]. Нахождение и соперничество двух по-своему значимых кафедр в одном регионе и в последствии в одной провинции стало уникальным феноменом становления и развития институтов христианской церкви, который оказывал существенное влияние на религиозную жизнь региона и отражает специфику Поздней античности как эпохи в целом.

Результаты и обсуждения

До начала эпохи Поздней античности Иерусалим носил название Элия Капитолина [Orper, 2009, s. 90]. Причиной изменения названия стали иудейский войны и, в частности, восстание Бар Кохбы против римлян. За это Иерусалим и был сурово наказан императором Адрианом (117–138 гг.): за разрушением города и за сменой названия последовало выселение евреев за его пределы, а затем основание римской колонии с соответствующими правами [Schäfer, 2003, p. 36], которая сразу стала заселяться преимущественно языческим населением; здесь также проживало немало ветеранов, прибывших из близлежащих регионов, здесь же базировался X Охраняющий пролив легион [Drijvers, 2004, p. 2]. Показательное отношение со стороны римской администрации к Иерусалиму демонстрирует история, рассказанная Евсевием Кесарийским в «Книге о Палестинских мучениках»: на одном из допросов христиан наместник Иудеи Фирмилиан, спросив о городе, из которого происходят заключенные, ответил, что никогда не слышал о Иерусалиме (хотя заключенные имели в виду под своим родным городом Небесный Иерусалим)¹⁴. Вместо Иерусалима отныне Кесария Палестинская служила надежным, верным императорам политическим и религиозным центром Иудеи, как и было принято в целом по всей империи (когда столица провинции, как правило, была и религиозным центром) [Dvornik, 1958, p. 4–5], а близость этого города к морю добавляла ему стратегическое значение: при необходимости сюда можно было быстро перебросить дополнительные войска и начать восстанавливать контроль над беспокойным регионом. Епископы иерусалимские перестали занимать то положение в Церкви, какое принадлежало им в первые десятилетия христианства, они подчинялись епископам кесарийским из столицы провинции [Isaac, 1997, p. 15; Hansen et al., 2000, p. 292].

Ситуация начала меняться в IV веке. В 313 году был принят Миланский эдикт, который отныне позволял свободно исповедовать христианскую веру. Это событие запустило процесс укрепления христианской церкви и ускорило процесс ее институционализации и возвышения отдельных епископских митрополий. Далее, в 325 году, состоялся Первый Вселенский собор, на котором было принято одно важное решение, касающееся епископов иерусалимских: всеми архиереями был утвержден 7 канон. В начале этого канона говорится об установившемся обычае и древнем предании (συνήθεια κενράτηκε και παράδοσις αρχαία) всегда воздавать особое уважение епископу Святого города, и отныне епископ Элии Капитолины также должен был иметь утраченное после событий I–II столетия «почетное достоинство», а митрополия, то есть Кесария, должна была сохранить «свои, принадлежащие ей права»¹⁵. Обычно этот отрывок трактуется как признание за иерусалимскими епископами первенства чести (την ἀκολουθίαν της τιμής) среди всех остальных областных епископов [Милаш, 2001, с. 205–206], хотя это не означало перехода управления Церковью в Палестине в руки епископов Иерусалима. Такое положение иерусалимских епископов можно назвать неясным, скорее двусмысленным, поскольку другие города империи, такие как Александрия, Тарс, Антиохия, Карфаген, Рим и другие, имели как авторитет во всей христианской церкви, так и права митрополии в своей провинции [Honigmann, 1950, p. 211–212]. Обсуждая этот вопрос, епископ Макарий Иерусалимский (312–335 гг.) на соборе вступил в дискуссию с епископом митрополии кесарийским Евсевием (314–339 гг.), рассматривая на его слабость как сторонника арианства (хотя в конечном итоге Евсевий подписал Никейский символ веры). Обсуждение арианского учения было одной из главных целей Никейского собора, а потому на заседаниях Евсевию Памфилу приходилось уделять особое внимание вопросам веры [Wallace-Hadrill, 1960, p. 28]. Однако Макарий встретил сопротивление епископов других могущественных митрополий, таких как Антиохийская, Александрийская и Римская, которые сами боролись за первенство в христианской церкви в целом и которые не

¹⁴ Eusebius. De martyribus Palaestinae, 11. 8.

¹⁵ Acta Conciliorum Oecumenicorum, I. XI. 7.

желали иметь еще одного конкурента. Поэтому 7 канон в данной формулировке, очевидно, является найденным в рамках собора компромиссом. Несмотря на то, что Евсевий Кесарийский был личным свидетелем всего, что происходило на соборе, в повествовании о нем он чрезвычайно краток и ограничивается только общими указаниями¹⁶. Макарий Иерусалимский также не оставил никаких свидетельств о произошедших на соборе событиях.

Кроме того, после принятия Миланского эдикта христианская церковь могла открыто демонстрировать свои святыни. Главным свидетелем жизни и страстей Иисуса Христа был Иерусалим. Относительно его названия в Позднюю античность наблюдается следующая ситуация: с одной стороны, в широкую практику вновь входит употребление названия Иерусалим, с другой стороны, даже после событий в Никее не последовало никакого указа о его переименовании, хотя языческое «Капитолина», обозначающее трех капитолийских богов, в официальных источниках исчезает и остается только «Элия». Согласно нумизматическим данным – монетам, сохранившимся со времен правления императора Адриана (117–138 гг. – годы правления) и до середины III столетия (рис. 1), четко понятно, что в течение этого времени город сохранял название Элия Капитолина (тем примечательнее, что во время восстания Бар Кохбы чеканились монеты с надписью «Иерусалим» и даже «Свободный Иерусалим») [Zlotnik, 2012, p. 22]. После чеканка монет в регионе прекращается на 150 лет [Zlotnik, 2012, p. 24] и вновь возобновляется в Иерусалиме, однако данные об этом немногочисленны: известно, по крайней мере, что в начале VII столетия имелись монеты с упоминанием Иерусалима [Sear, 1987. P. 19, 22], а данные о V–VI столетии постепенно обновляются, и пока на них нет упоминания Иерусалима [Agiel, 2020, p. 165–180]. Если мы обратимся к письменным источникам, то, например, на первом Никейском соборе упоминается именно название Элия¹⁷.

Рис. 1. Монета, посвященная основанию COL[ONIA] AEL[IA] CAPIT[OLINA] COND[ITA] с изображением императора Адриана

Fig. 1. A coin, dedicated to founding of COL[ONIA] AEL[IA] CAPIT[OLINA] COND[ITA] in which is represented Emperor Hadrian

В сочинениях позднеантичных авторов, например, у Иеронима Блаженного (около 345–420 гг. – годы жизни), упоминается только название Иерусалим^{18, 19}, для паломников Святым городом был, несомненно, Иерусалим, а не Элия²⁰. Кирилл Александрийский (412–444 гг.) в письме Иоанну Антиохийскому (429–441 гг.) называет епископа Иерусалима «епископом элиейским»²¹, хотя для епископов Иерусалима характерен эпитет «иерусалимский». В арабских источниках также сохранилось название Элия, при Омейядах упоминается уже Иерусалим вместо Элии [Jacobson, 2020, p. 6–7]. Этот феномен отчасти объясняется отрицанием древней столицы иудеев [Jacobson, 2020, p. 3] и церковными спорами о

¹⁶ Acta Conciliorum Oecumenicorum, I. XVII.

¹⁷ Там же, I. XI. 7.

¹⁸ Hieronymus. Chronicon.

¹⁹ Hieronymus. Epistulae, 44, 53.

²⁰ Там же, 44.

²¹ Там же, III. XVII.

первенстве, а также, возможно, и представлениями о Иерусалиме как о Небесном городе – Небесном Иерусалиме. Тем не менее с IV столетия наименование города Иерусалим широко входит в практику среди жителей империи, и в это же время начинается формирование его образа Святого города, о чем речь пойдет ниже.

Здесь необходимо рассмотреть значимость паломничества по Палестине матери императора Константина Елены (ок. 246/248–330 гг. – годы жизни августы), которое она совершила примерно в 326 году и после которого в Палестину хлынуло большое число желающих увидеть христианские святыни и значимые места. Согласно историкам церкви, она основывала много храмов на символических местах: в Иерусалиме, например, это Храм Вознесения на Елеонской горе^{22, 23}. Легенду об обретении Креста Господня следует прокомментировать отдельно. Это событие в исторических источниках датируется по-разному, а сами сообщения об обретении Креста записаны не современниками или очевидцами событий. Она появляется в книгах и сочинениях второй половины IV столетия, а само начало почитания Креста исследователи связывают с другим епископом иерусалимским Кириллом (около 347–386 гг.) и указывают, что именно в годы его епископства христиане со всей империи стремились посетить Иерусалим, чтобы увидеть эту реликвию [Беневич, 2015, с. 77]. Мы не можем причислять обретение Креста ко времени епископства Макария, как и не можем быть до конца уверены в основании храмов матерью Константина, но очевидно, что благодаря паломничеству августы Елены продолжалось формирование образа Палестины как Святой земли, Иерусалима – как Святого города.

Не подлежит сомнению, что паломничество в город Христа в IV веке сделалось общеимперским явлением [Голубцов, 1894, с. 449]. Однако если мы обратимся к сочинениям Евсевия Кесарийского – современника Константина и Елены, то для него не характерно именование Иерусалима «святым городом» и приложения к нему тех мест Ветхого Завета, которые говорят о нём как о Священном городе; он сосредоточен лишь на отдельных святынях (например, на храме Гроба Господня), что в контексте начала борьбы между Кесарией и Иерусалимом выглядит вполне органично. Тем не менее Евсевий Памфил упоминает, что первым иерусалимским епископом был Иоаков – апостол от семидесяти и «брат Господень», и приводит список всех епископов Иерусалима, точно так же, как и Рима, Александрии и Антиохии, что впоследствии будет использоваться епископами иерусалимскими в качестве доказательства апостольского происхождения своего престола²⁴. А пока в первой трети IV века первым областным городом оставалась Кесария, церковно-областное управление продолжало сосредотачиваться там же, где и государственное, власть митрополита сохранялась за иерархами Кесарии [Милаш, 2001, с. 218–225]. И все же в 325–326 гг. произошли символические перемены в истории Иерусалима, которые определили его становление в качестве религиозного центра империи, эти изменения стали катализатором других последовавших в будущем изменений.

Иерусалиму также надлежало быть украшенным самыми искусными и потрясающими воображение простого человека храмами и церквями, одним из которых стал храм Гроба Господня, построенный на месте, рассказывающем христианскую историю, – на месте распятия и воскресения Иисуса Христа. По сообщению церковного историка Сократа Схоластика, стройку император Константин поручил лично епископу иерусалимскому Макарию и также просил его украшать город другими прекрасными и лучшими постройками, ведь «самое дивное место в мире должно быть и украшено, как следует...»²⁵. Из послания августа ясно, что Макарий по собственному усмотрению мог требовать любых художников, ремесленников, мастеров, самые лучшие материалы для стройки и многое другое. Отметим

²² Eusebius. De vita Constantini, III. 42.

²³ Socrates. Historia Ecclesiastica, I. 17.

²⁴ Eusebius. Historia Ecclesiastica, II. I. 2; III. XXXV; V, XII, 1; VII. XXXII. 29.

²⁵ Socrates. Historia Ecclesiastica, I. 9.

здесь, что в то же время Созомен приводит историю, согласно которой император Константин отправил письмо с другим важным поручением к епископу митрополии. Евсевию Памфилу (*persona gratissima*) август поручил лично проконтролировать написание 50 томов священных текстов в городе Кесария и позволил использовать любые ресурсы для этого²⁶. Приведение обоих сюжетов в источнике можно считать чистым совпадением, однако в контексте начавшегося соперничества поручения этим двум палестинским иерархам выглядят вполне органично: возможно, это было сделано с целью уравновесить притязания каждого из них.

Следующим епископом на иерусалимском престоле был Максим Иерусалимский (около 335–347 гг.). Кесарийскую кафедру в это время занимали Евсевий Памфил и его преемник Акакий (339–366 гг.). Максим так же, как и его предшественник, поддерживал идею первенства иерусалимского епископа в Палестине. Несмотря на то, что время его епископства слабо задокументировано, известен один показательный случай. Во время возвращения александрийского епископа митрополии Афанасия Великого из ссылки около 346 года, в которую он был отправлен как непримиримый противник арианского учения, именно Максим созвал синод в Иерусалиме из шестнадцати палестинских епископов, которые приветствовали александрийца. Сократ Схоластик сообщает²⁷, что на этом синоде Максим самолично «восстановил общение и сан» Афанасию и оказал ему поддержку против ариан; Созомен эту информацию подтверждает²⁸ без подробностей²⁹. Нет сомнений в том, что Афанасий Великий, будучи одним из самых бескомпромиссных противников арианства, заслуживал подобного приема и отношения со стороны других ортодоксальных епископов. Однако обладал ли Максим Иерусалимский правами на подобные действия? Очевидно, что пытался обладать ими, опираясь именно на статус «первенства чести» [Wirgman, 2008, p. 219; Bright, 1903, p. 199]. Кроме этого, он умело воспользовался спорами никейцев и ариан: митрополиты Кесарии Евсевий Памфил и Акакий симпатизировали арианам, Акакий Кесарийский был одним из лидеров ариан после смерти Евсевия, который активно выступал за пересмотр решений Никейского собора³⁰. Без ответа действия епископа иерусалимского не остались: Акакий Кесарийский и арианский епископ Патрофил Скифопольский (епископ третьего по значимости в Палестине города) поспешили собрать новый собор и поставили на место епископа Максима Кирилла, который казался близким им по взглядам, согласно церковным историкам Созомену³¹ и Сократу³². Руфин Аквилейский упоминает только то, что рукоположение было каким-то «неправильным»³³. Скорая смена епископа может объясняться не только религиозными противоречиями, постановление Кирилла в качестве нового епископа Иерусалима было также частью борьбы за первенство между Кесарией и Иерусалимом.

Епископство Кирилла Иерусалимского проходило как под знаком активного формирования образа Иерусалима как Святого города, так и борьбы со своими митрополитами. Феодорит Кирский дал такую оценку борьбе между Акакием и Кириллом: «Спор этих двух епископов о первенстве был причиною величайших зол для церкви»³⁴. Об этом сообщает

²⁶ Там же, I. 9.

²⁷ Там же, II. 24.

²⁸ Sozomenus. *Historia Ecclesiastica*, III. 21–22.

²⁹ Мы не согласны с Ю.В. Шелудченко, который в своем исследовании пишет, что Акакий Кесарийский и Патрофил Скифопольский присутствовали на этом собрании, что, во-первых, не указано ни в одном источнике, и, во-вторых, было не в их интересах (как сторонников арианских идей) восстанавливать Афанасия в сане (через несколько лет они собрали новый собор и осудили это восстановление Максимом александрийца, поборника арианства в сане). См.: Шелудченко Ю.В. 2017. Христианская церковь ранневизантийского Скифополя. Научные ведомости. Серия История. Политология. Выпуск 42, 8 (257): 50.

³⁰ Socrates. *Historia Ecclesiastica*, II. 38–40.

³¹ Sozomenus. *Historia Ecclesiastica*, IV. 20.

³² Socrates. *Historia Ecclesiastica*, II. 38–40.

³³ Rufinus. *Historia Ecclesiastica*, X. 23.

³⁴ Theodoretus. *Historia Ecclesiastica*, II. 26.

и Созомен, добавляя, что Кирилл спорил с Акакием о правах епископа митрополии «как предстоятель апостольского престола»³⁵, что говорит о более четком понимании значения статуса своего престола как епископского, и здесь Кирилл, конечно, апеллирует к понятию «апостольский престол» так же, как это делали, например, папы римские, но с поправкой на свою ситуацию: Кирилл не претендовал ровно на такой же статус, как папы римские, а лишь на большее, чем кесарийские епископы. В своих проповедях, в «Поучениях огласительных»³⁶, он называет Иоакова «епископом этой церкви», то есть Иерусалимской, самым первым предстоятелем апостольской церкви в Иерусалиме и подчеркивает значимость своей Церкви святынями и деяниями Спасителя в Иерусалиме, формируя образ Иерусалима как Святого города, а своей Церкви – как отличающейся среди всех остальных: «...здесь, в Иерусалиме, в том месте, где горня во имя апостолов Церковь. Мы имеем все преимущества: здесь Христос сошел с небес; здесь Дух Святой сошел с небес; и поистине весьма прилично было бы и о Духе Святом говорить в этой горней Церкви, так как мы о Христе и Голгофе говорим на сей Голгофе...»³⁷, добавляя в другом месте «...в этом граде Иерусалиме (и это преимущество имеем мы; блага, о которых говорим мы, не где-то ниспосланы, а у нас дарованы), в день, говорю, Пятидесятницы, когда они были вместе, сошел с неба Утешитель, хранящий и освящающий Церковь...»³⁸. Это серьезное изменение в осознании епископами Иерусалима значимости своего места, и это очень сильно начинает контрастировать с Кесарией, поскольку кесарийская кафедра не могла похвастаться подобным прошлым и святынями.

В целом конкретных и подробных сообщений о соперничестве кафедр во время епископства Кирилла Иерусалимского и Акакия Кесарийского встречается немного, не сохранилось никаких записей со стороны митрополита Кесарии, хотя известно, что Акакий, как муж ученый, оставил много сочинений³⁹; это может объясняться антиникейскими взглядами Акакия. Однако мы можем воспользоваться сочинениями церковных историков и сочинениями епископа иерусалимского, чтобы представить себе события и характер борьбы. Мы уже знаем, что сначала Акакий видел в Кирилле своего сторонника и рукоположил его как своего союзника, но через некоторое время после рукоположения Кирилл проявил свои религиозные взгляды несколько более четко или же переменял их. Сочинения самого Кирилла тоже вызывают вопросы относительно его взглядов: он не употребляет важные понятия Никейского символа веры, но идеи, которые он доносит другими словами, не выходят за рамки символа веры, что не позволяет решительно заключать что-либо конкретное о его взглядах. Ни одного другого епископа Акакий Кесарийский так упорно не старался сместить, как именно Кирилла: в источниках смещение зафиксировано 3 раза. Епископы других палестинских городов, видимо, порой сами не понимали чьей стороны им держаться. Так, в первый раз Кирилл был лишен статуса епископа иерусалимского в 357 году, однако после этого он был восстановлен в статусе решением более крупного Селевкийского собора 359 года, на котором Акакий не мог влиять на всех собравшихся⁴⁰. Епископ кесарийский даже отказывался присутствовать на соборе, пока Кирилл находился там. Во второй раз Акакий сместил Кирилла, добившись отмены решения Селевкийского собора лично у августа Констанция (337–361 гг. – годы правления), с которым у епископа митрополии были хорошие отношения и схожие религиозные взгляды. Церковный историк Феодорит Кирский описывает встречу императора и Акакия следующим образом: «Возвратившись с Запада, Констанций был в Константинополе. Во многом обвиняя перед царем Селевкийский собор..., Акакий возбудил гнев в царе и не менее раздражил его также своею клеветой на

³⁵ Sozomenus. Historia Ecclesiastica, IV. 25.

³⁶ Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные, 4. 28; 14. 21.

³⁷ Там же, 16. 4.

³⁸ Там же, 17. 13.

³⁹ Sozomenus. Historia Ecclesiastica, III. 14.

⁴⁰ Theodoretus. Historia Ecclesiastica, II. 26.

Кирилла. Он клеветал, будто Кирилл продал ту священную золотоканную ризу, которую всехвальный царь Константин, желая почтить иерусалимскую церковь, подарил архиерею того города Макарию, чтобы он облачался в нее для совершения службы в день таинственного крещения, и будто ту ризу купил какой-то театральный плясун и надел ее, но, прыгая в ней на театре, упал, расшибся и умер...»⁴¹. Заявить, что Кирилл продал такой драгоценный и символичный подарок, преподнесенный отцом правящего императора, – достаточно серьезное обвинение вне зависимости от того, продал ли на самом деле Кирилл ризу или нет. В третий раз Кирилл Иерусалимский был осужден Константинопольским собором 360 года и отправлен в изгнание; только при императоре Юлиане (361–363 гг. – годы правления) Кирилл вновь занял место епископа Иерусалима⁴².

В свою очередь, Кирилл Иерусалимский тоже пытался добиться расположения императора Констанция, и ему тоже удалось сместить преемника Акакия с кесарийской кафедры. Императору он представил письмо, в котором растолковал знамение креста над Иерусалимом как знак того, что Бог на стороне Констанция, что позволило бы августу легитимизировать власть с религиозной точки зрения во время борьбы с узурпатором Магненцием⁴³. Нетрудно распознать в письме и попытку Кирилла возвысить достоинство своего епископского престола, он надеялся на поддержку императора в своих церковных распрях с Акакием Кесарийским [Traupedach, 2022, p. 18–19]. Однако поддержка Констанцием полуариан исключила этот вариант развития событий. Только после смерти императора Констанция и самого Акакия Кесарийского Кириллу удалось дважды поменять епископа митрополии, причем в последний раз он сумел поставить своего племянника Геласия и заявить о приоритете Иерусалимской кафедры над Кесарийской⁴⁴. После смерти такого сильного и авторитетного митрополита, как Акакий, Кирилл сумел потрясти основы Кесарийской кафедры и достаточно её ослабить.

Дополнительные сведения об использовании понятия «Святой город» в отношении Иерусалима мы получаем, обратившись к сочинениям самого иерусалимского епископа. Так, в «Поучениях огласительных»⁴⁵, в отличие от предшественников, Кирилл уже без всякого ограничения именуется современным ему Иерусалим «Святым градом» [Walker, 1990, p. 86–89]. В своих проповедях в качестве аргументов в богословии или просто при оглашении в пользу христианского учения Кирилл Иерусалимский, помимо цитат из Священного Писания, часто приводит доводы из библейской, чаще всего новозаветной археологии, и для него, по выражению Г.И. Беневича, свидетельства библейской археологии являются своего рода пятым Евангелием [Беневич, 2015, с. 84]. В своем сочинении, судя по его повествованию о чудесах, имевших место в Иерусалиме при явлении Креста в небе и при неудачной попытке иудеев построить заново Храм, он придает Иерусалиму исключительное значение в духовной топографии империи, что важно и в контексте его старого прошлого – это трактуется Кириллом как новый поворот в истории города как христианского. С Иерусалимом он связывает и эсхатологические чаяния, причем обращенные к ближайшему будущему, тогда как для Евсевия Кесарийского эсхатологические чаяния отодвинуты в неопределенное будущее, а духовным центром его проповеди является, как и у Оригена, небесный Иерусалим [Беневич, 2015, с. 84]. Здесь превращение Иерусалима в Святой город шло параллельно с возвышением роли и статуса епископского престола.

В конце IV столетия Палестина была поделена на три провинции, что ослабило положение Кесарии как политического и религиозного центра в регионе [Honigmann, 1950, p. 213]. Во главе каждой из них теперь стояли другие епископы, хотя епископом митрополии все же оставался кесарийский иерарх. При этом не было выделено провинции, во главе

⁴¹ Там же, II. 27.

⁴² Там же, III. 14.

⁴³ Cyrillus Hierosolymitanus. Epistula ad Constantinum, 3, 4.

⁴⁴ Eriphanius. Adversus haereses, 66. 20. 3.

⁴⁵ Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные.

которой бы находился Святой город: в Палестине Примае главным городом считалась Кесария и в ней же располагался и Иерусалим, Палестина Секунда сосредоточила управление в Скифополе, а Палестина Терция – в Петре, что не улучшало положения епископов иерусалимских. Последние продолжали настаивать на первенстве, и во время правления следующего епископа иерусалимского Иоанна (ок. 387–417 гг.) также были случаи неподчинения епископу митрополии. Так, в «Книге против Иоанна, к Паммахию» Иероним укоряет епископа Святого города за то, что для решения конфликтной ситуации с Епифанием Саламинским Иоанн обратился с письмом к патриарху Александрийской кафедры, ведь «...там (в канонах) определяется то, чтобы митрополией Палестины была Кесария, а всего Востока – Антиохия»⁴⁶. Он подчеркивает, что Иоанн «...предпочёл обеспокоить занятые уши, чем отдать должную честь своему митрополиту»⁴⁷. Упрек Иеронима справедлив, формальности должны были быть соблюдены. Интереснее, почему для решения спорной ситуации Иоанн обратился к патриарху Александрии, а не к антиохийскому. Вторая половина IV столетия для Антиохии прошла под знаком схизмы, ее Церковь была раздираема спорами епископов [Миронов, 1999, с. 107]. Поскольку в Антиохийской Церкви не было порядка, за решением проблемы Иоанн, видимо, решил обратиться к Александрии, которая находилась на пике своего влияния [Миронов, 1999, с. 109–111]. Тем не менее подобные действия были бы недопустимы для любой другой кафедры по отношению к своим вышестоящим иерархам. Мы можем предположить, что Иоанн, в отличие от его ранних предшественников, действовал уже с полным пониманием того, что он управляет Святым городом, местом паломничества, и занимает апостольский престол (его предшественник Кирилл Иерусалимский продемонстрировал это всей христианской церкви), особенно в условиях, когда Константинопольская кафедра на Вселенском соборе 381 года по значению была признана второй сразу после Римской⁴⁸, хотя та и не имела никаких апостольских связей⁴⁹. В этом контексте Иоанн уже не особо считался с ослабевшей Кесарией, хотя никаких официальных шагов для превращения Иерусалима в митрополию он не принял.

Действия предшественников подготовили почву для борьбы на завершающем этапе, время которого приходится на годы епископства Ювеналия Иерусалимского (примерно 422–458 гг.). Поскольку Кесария была митрополией, зависевшей от патриарха Антиохийского, Ювеналий признал, что недостаточно бороться против своего митрополита, как это делали его предшественники, но «он жаждал того, что позже было названо патриаршим достоинством», чего он в результате и добился [Honigmann, 1950, p. 213–214]. Уже показательно, что на Вселенский собор в Эфесе в 431 году значительное количество епископов Палестины прибыло под начальством епископа иерусалимского, самого епископа Кесарии на соборе не было [Болотов, 1918, с. 302]. На этом соборе Ювеналий занимал высокое положение ещё по одной причине: он был вторым из лидеров-союзников Кирилла Александрийского, во многих документах Ювеналий упоминается сразу же после папы Римского и патриарха Александрийского, он всегда подписывал документы сразу же после них [Honigmann, 1950, 222–223]. Здесь мы должны вспомнить, как проходил сам собор и для чего этот собор был собран: собор главным

⁴⁶ Иероним. Книга против Иоанна, к Паммахию, 37.

⁴⁷ Там же, 37.

⁴⁸ Acta Conciliorum Oecumenicorum, II. II. 3.

⁴⁹ Тот факт, что не имеющая практически никаких христианских святынь и апостольского престола кафедра могла стоять по значимости после Рима и перед Александрией и Антиохией, конечно, мог быть примером для других таких же кафедр без христианского прошлого со времен апостолов (как, например, Кесария Палестинская), некоторыми христианскими епископами высказывалась точка зрения, что происхождение кафедры не должно иметь решающего значения, поскольку епископы вне зависимости от происхождения их кафедр «занимают кафедру Петру». Подробнее см.: Захаров Г.Е. 2012. «Апостольский престол» в творениях свт. Либерия Римского и свт. Афанасия Великого. Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ, 47: 63. Однако факт происхождения кафедры сильно влиял, когда речь заходила о положении какой-либо кафедры в христианской церкви в целом.

образом был созван для осуждения константинопольского патриарха Нестория. На заседаниях Ювеналий всегда находился вместе с Кириллом Александрийским, которого поддерживал в осуждении патриарха Константинополя и в борьбе с патриархом антиохийским. Собор начал заседание, не дождавшись прибытия антиохийской делегации, а Несторий как патриарх константинопольский не явился на собрание, что было в интересах Кирилла Александрийского и его союзников. Поддерживая св. Кирилла, Ювеналий рассчитывал на большие привилегии. Больше всего нас интересует обсуждение проблемы подчинения епархий своим иерархам: для того, чтобы обрести большую самостоятельность в рамках своей епархии, необходимо было подтвердить древнюю самостоятельность церкви; поскольку иерусалимская Церковь обладает апостольским престолом, то Ювеналий Иерусалимский без труда сумел доказать независимость своей кафедры в первые века христианства, более того, Ювеналий стал считать себя митрополитом *ex usu* не только трех Палестин, но и двух Финикий и Аравии [Болотов, 1913, с. 244–245.]. Такой поворот событий многих возмутил: антиохийские епископы протестовали против этого [Honigmann, 1950, p. 224], папские делегаты были возмущены, однако давнее противостояние Александрии и Антиохии привело к тому, что Кирилл готов был поддержать любого противника Антиохии, что и получилось. Э. Хонигман подчеркивает в этом деле роль императора Феодосия (408–450 гг. – годы правления) в качестве покровителя Ювеналия: благодаря документам августа епископу иерусалимскому не раз позволялось совершать такие действия, за которые епископы других областей лишились бы сана [Honigmann, 1950, p. 215–217, 232]. Только после осуждения монофизитства на Халкидонском соборе 451 года и показательного раскаяния Ювеналия⁵⁰, бывшего одним из главных участников Разбойничьего собора 449 г., состоялось важное заседание, на котором Ювеналий Иерусалимский и патриарх Максим Антиохийский обсудили каждый свои права и договорились о том, что антиохийская кафедра вновь получала под свою юрисдикцию Аравию и Финикию, а иерусалимская кафедра управляла тремя Палестинами, и, наконец, права иерусалимского епископа были уравнены с правами остальных первопрестольных патриархов. Последняя договоренность означала, что епископ Иерусалима получал статус патриарха, контроль и право постановления епископов Кесарии.

Заключение

Соперничество Иерусалима и Кесарии за первенство в Палестине началось в начале IV столетия и продолжалось вплоть до официального объявления Иерусалима главной митрополией в регионе на Халкидонском соборе в 451 году, а иерарха Иерусалима – патриархом. Очевидно, что во времена епископства Евсевия Кесарийского и Макария Иерусалимского серьезные изменения в соотношении статусов были невозможны. Сам процесс возвышения иерусалимских епископов нельзя рассматривать как мгновенный, свершившийся лишь во время правления одного епископа (Ювеналия или Кирилла Иерусалимского), но как процесс, протекавший почти полтора столетия и благодаря усилиям практически всех иерусалимских епископов. В ходе этого процесса важную роль сыграл сам город Иерусалим, который постепенно становился Святым городом – местом библейских событий и деяний Иисуса Христа и апостолов (а не иудейской истории), городом с великолепными церквями и святынями, важными для каждого христианина, «пятым Евангелием». В круг веских аргументов со временем вошло понятие «апостольский престол», что означало происхождение иерусалимской Церкви от апостола. Такое положение Иерусалима позволяло ему конкурировать уже не просто с Кесарией, а с Александрией, Римом и Антиохией. Однако еще на Никейском соборе ни один из иерархов указанных городов не желал возвышения Иерусалима, поскольку это означало бы появление еще одного конкурента. Честь и первенство иерусалимского епископа видными церковными руководителями, такими как папа

⁵⁰ Socrates. *Historia Ecclesiastica*, II. 6.

Римский, патриархи Антиохии и Александрии и другие известные современники, оценивались в основном в зависимости от ситуации в самой христианской церкви. Наконец, в борьбе за первенство особую роль сыграли церковные споры, и порой трудно отделить действия епископов, направленные на утверждение своего первенства, от реальных догматических претензий и обвинений, а также и от личных амбиций епископов двух городов. Таким образом, высокое значение и положение Ювеналия как епископа иерусалимского опирались на результаты действий предшественников. Используя политические и церковные обстоятельства своего времени, ссылаясь на преимущества своей Церкви и опираясь на личные качества и амбиции, он сумел окончательно поставить точку в соперничестве с Кесарией и навсегда возвыситься над ее епископами, добившись статуса сверхметрополии для Иерусалима, а для себя как епископа – статуса патриарха, которому отныне по праву подчинялись все священнослужители Палестины.

Список литературы

- Беневич Г.И. 2015. Св. Кирилл Иерусалимский и борьба за возвышение Иерусалимской кафедры в IV в. В кн.: Научная сессия ГУАП (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения). Сборник докладов. В 3-х частях. Санкт-Петербург, [б. и.]: 75–85.
- Болотов В.В. 1913. Лекции по истории Древней Церкви. Том 3. Петроград, 340 с.
- Болотов В.В. 1918. Лекции по истории Древней Церкви. Том 4. Петроград, 599 с.
- Ващева И.Ю. 2009. Концепция Поздней Античности в современной исторической науке. Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 6 (1): 220–231.
- Голубцов А.П. 1894. О путешествиях древних христиан и наших старинных паломников в св. землю, Рим и Царьград. Богословский вестник, I (3): 446–462.
- Захаров Г.Е. 2012. «Апостольский престол» в творениях свт. Либерия Римского и свт. Афанасия Великого. Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ, 47: 62–69.
- Л'Юилье, архиепископ Петр. 2005. Правила первых четырех Вселенских соборов. Пер. с фр. Москва, Срет. монастырь: Моск. духов. акад., 528 с.
- Милаш, епископ Никодим. 2001. Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Пер. с серб. Москва, Отчий дом. 650 с.
- Миронов А. 1999. История Антиохийской схизмы в IV в.: евстафиане, мелетиане и аполлинариане. Христианское чтение, 17: 88–113.
- Селунская Н.А. 2004. Осень средневековья и поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, 13: 232–246.
- Ariel D.T. 2020. The Byzantine Coins. In: Jerusalem. Excavations in the Tyropoeon Valley (Giv'ati Parking Lot) II, The Byzantine and Abbasid Periods. Part 1: Stratum V – The Byzantine Period (IAA Reports 66). Jerusalem: 159–182.
- Bright W. 1903. The Age of the Fathers: Being Chapters in the History of the Church During the Fourth and Fifth Centuries. Longmans, Green, 543 p.
- Brown. P. 1971. The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad. London, 216 p.
- Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600. Cambridge University Press, 1101 p.
- Drijvers J. 2004. Cyril of Jerusalem: Bishop and City. Leiden-Boston, 214 p.
- Dvornik F. 1958. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, 342 p.
- Hansen I.L., Wickham C. 2000. The Long Eighth Century. Brill, 388 p.
- Honigmann E. 1950. Juvenal of Jerusalem. Washington, DC: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 279 p.
- Isaac B.H. 1997. The Near East Under Roman Rule: Selected Papers. Brill, 484 p.
- Jacobson D.M. 2020. The Enigma of the Name İliyā (= Aelia) for Jerusalem in Early Islam. Available at: [https://www.academia.edu/38981188/The_Enigma_of_the_Name %C4%AAliy%C4%81_Aelia_for_Jerusalem_in_Early_Islam](https://www.academia.edu/38981188/The_Enigma_of_the_Name_%C4%AAliy%C4%81_Aelia_for_Jerusalem_in_Early_Islam) (accessed 8 September 2023).
- Kötter J.-M. 2022. Palestine at the Periphery of Ecclesiastical Politics? The Bishops of Jerusalem after the Council of Chalcedon. In: City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity. De Gruyter: 241–259.

- Opper T. 2009. *Hadrian: Machtmensch und Mäzen*. Darmstadt, 256 p.
- Sear D. 1987. *Byzantine Coins and Their Values*. London, 528 p.
- Schaff Ph. 1899. *The Seven Ecumenical Councils*. New York, 1500 p.
- Schäfer P. 2003. *The Bar Kokhba war Reconsidered: New Perspectives on the Second Jewish Revolt against Rome*. Mohr Siebeck, 313 p.
- Trampedach K. 2022. *The Making of the Holy Land in Late Antiquity*. In: *City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity*. De Gruyter: 11–38.
- Walker P. 1990. *Holy City Holy Places? Christian Attitudes to Jerusalem and the Holy Land in the Fourth Century*. Oxford: Clarendon Press, 438 p.
- Wallace-Hadrill D.S. 1960. *Eusebius of Caesarea*. London, 224 p.
- Wirgman A.T. 2008. *The Constitutional Authority of Bishops in the Catholic Church: Illustrated by the History and Canon Law of the Undivided Church from the Apostolic Age to the Council of Chalcedon, A.D. 451*. Fisher Press, 219 p.
- Zlotnik Y. 2012. *The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period*. Available at: [https://www.academia.edu/9828968/ The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period](https://www.academia.edu/9828968/The_Minting_of_Coins_in_Jerusalem_during_the_Roman_Period) (accessed 14 September 2023).

References

- Benevich G.I. 2015. *Sv. Kirill Ierusalimskij i bor'ba za vozvyshenie Ierusalimskoj kafedry v IV v.* [St. Cyril of Jerusalem and His Struggle for the Elevation of the See of Jerusalem in the 4-th Century]. In: *Nauchnaja sessija GUAP (Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ajerokosmicheskogo priborostroenija). Sbornik dokladov. V 3-h chastyah*. Saint Petersburg, [b. i.]: 75–85.
- Bolotov V.V. 1913. *Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi. Tom 3* [Lectures on the History of the Ancient Church. Vol. 3]. Petrograd, 340 p.
- Bolotov V.V. 1918. *Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi. Tom 4* [Lectures on the History of the Ancient Church. Vol. 4]. Petrograd, 599 p.
- Vashcheva I.Ju. 2009. *Koncepciya Pozdnej Antichnosti v sovremennoj istoricheskoy nauke* [Concept of Late Antiquity in the Modern Historical Science]. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo*, 6 (1): 220–231.
- Golubcov A.P. 1894. *O putechestvijah drevnih hristian i nashih starinnyh palomnikov v sv. zemlju, Rim i Car'grad* [About the Travels of Ancient Christians and Our Ancient Pilgrims to the Holy Land, Rome and Constantinople]. *Bogoslovskij vestnik*, I (3): 446–462.
- Zaharov G.E. 2012. *“Apostol'skij prestol” v tvorenijah svt. Liberija rimskogo i svt. Afanasija Velikogo* [“Apostolic Throne” in the Writings of st. Liberius of Rome and st. Athanasius the Great]. *Vestnik PSTGU. Serija 2: Istorija. Istorija RPC*, 47: 62–69.
- L'Juil'e, arhiepiskop Petr. 2005. *Pravila pervyh chetyreh Vselenskih soborov* [The Rules of the First Four Ecumenical Councils]. Per. s fr. Moscow, Sret. monastyr': Mosk. dukhov. akad. 528 p.
- Milash, episkop Nikodim. 2001. *Pravila pravoslavnoj cerkvi s tolkovanijami Nikodima, episkopa Dalmatinsko-Istrijskogo* [The Rules of the Orthodox Church with the Interpretations of Nicodemus Bishop of Dalmatian-Istria]. Per. s serb. Moscow, Otchiy dom, 650 p.
- Mironov A. 1999. *Istorija Antiohijskoj shizmy v IV v.: evstafiane, meletiane i apollinariane* [The History of the Antiochian Schism in the Fourth Century: Eustathians, Meletians and Apollinarians]. *Hristianskoe chtenie*, 17: 88–113.
- Selunskaja N.A. 2004. *Osen' srednevekov'ja I pozdnjaja antichnost': kak antikovedy s medievistami istoriju delili* [The Autumn of the Middle Ages and Late Antiquity: how the Antiquarians Shared History with the Medievalists]. *Sialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii*, 13: 232–246.
- Ariel D.T. 2020. *The Byzantine Coins*. In: *Jerusalem. Excavations in the Tyropoeon Valley (Giv'ati Parking Lot) II, The Byzantine and Abbasid Periods. Part 1: Stratum V – The Byzantine Period (IAA Reports 66)*. Jerusalem: 159–182.
- Bright W. 1903. *The Age of the Fathers: Being Chapters in the History of the Church During the Fourth and Fifth Centuries*. Longmans, Green, 543 p.
- Brown. P. 1971. *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 216 p.
- Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge University Press, 1101 p.
- Drijvers J. 2004. *Cyril of Jerusalem: Bishop and City*. Leiden-Boston, 214 p.

- Dvornik F. 1958. *The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*. Cambridge, 342 p.
- Hansen I.L., Wickham C. 2000. *The Long Eighth Century*. Brill, 388 p.
- Honigsmann E. 1950. *Juvenal of Jerusalem*. Washington, DC: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 279 p.
- Isaac B.H. 1997. *The Near East Under Roman Rule: Selected Papers*. Brill, 484 p.
- Jacobson D.M. 2020. The Enigma of the Name Īliyā (= Aelia) for Jerusalem in Early Islam. Available at: [https://www.academia.edu/38981188/The_Enigma_of_the_Name %C4%AAliy%C4%81_Aelia_for_Jerusalem_in_Early_Islam](https://www.academia.edu/38981188/The_Enigma_of_the_Name_%C4%AAliy%C4%81_Aelia_for_Jerusalem_in_Early_Islam) (accessed 8 September 2023).
- Kötter J.-M. 2022. Palestine at the Periphery of Ecclesiastical Politics? The Bishops of Jerusalem after the Council of Chalcedon. In: *City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity*. De Gruyter: 241–259.
- Opper T. 2009. *Hadrian: Machtmensch und Mäzen*. Darmstadt, 256 p.
- Sear D. 1987. *Byzantine Coins and Their Values*. London, 528 p.
- Schaff Ph. 1899. *The Seven Ecumenical Councils*. New York, 1500 p.
- Schäfer P. 2003. The Bar Kokhba war Reconsidered: New Perspectives on the Second Jewish Revolt against Rome. *Mohr Siebeck*, 313 p.
- Trampedach K. 2022. The Making of the Holy Land in Late Antiquity. In: *City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity*. De Gruyter: 11–38.
- Walker P. 1990. *Holy City Holy Places? Christian Attitudes to Jerusalem and the Holy Land in the Fourth Century*. Oxford: Clarendon Press, 438 p.
- Wallace-Hadrill D.S. 1960. *Eusebius of Caesarea*. London, 224 p.
- Wirgman A.T. 2008. *The Constitutional Authority of Bishops in the Catholic Church: Illustrated by the History and Canon Law of the Undivided Church from the Apostolic Age to the Council of Chalcedon, A.D. 451*. Fisher Press, 219 p.
- Zlotnik Y. 2012. The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period. Available at: [https://www.academia.edu/9828968/ The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period](https://www.academia.edu/9828968/The_Minting_of_Coins_in_Jerusalem_during_the_Roman_Period) (accessed 14 September 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.03.2024

Received 10.03.2024

Поступила после рецензирования 15.15.2024

Revised 15.05.2024

Принята к публикации 17.05.2024

Accepted 17.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сухова Жанна Михайловна, аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-6807-6549](https://orcid.org/0009-0002-6807-6549)

Zhanna M. Sukhova, Graduate Student of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod N.A. Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

Вашева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-6190-954X](https://orcid.org/0000-0001-6190-954X)

Irina Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Nizhny Novgorod N.A. Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia